

MOPE
МЕЛЬЕСА

18+

Павел Шушканов

Море Мельеса

«Автор»

2026

Шушканов П.

Море Мельеса / П. Шушканов — «Автор», 2026

Здесь Луну нельзя называть Луной. Для пяти миллионов обитателей она – Малый Мир, новый аванпост жизни, зародившейся на двойной планете. Корпорации качают недра, поселенцы строят города, авантюристы ищут легких денег, но всем им не хватает главного ресурса, от которого Малый Мир отрезан – информации. Зато нет недостатка в свободе и сделкам с моралью и совестью. Ведь где-то здесь таится главное сокровище человечества – бессмертие. Молодой турист прибывает в порт Тихо с намерением остаться на Луне навсегда, но в первый же час становится свидетелем покушения на убийство. Словам гостя с Большого Мира никто не верит, включая офицеров охраны. И всё, что ему остается – следовать своим курсом через половину Луны, чтобы спасти жертву, в реальности которой он сам начинает сомневаться. В то же время сотрудница охраны и ее напарник идут по следам опасного члена секты, за которым по всей Луне остаются кровавые и сверхъестественные следы.

© Шушканов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тихо	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Павел Шушканов

Море Мельеса

Глава 1. Тихо

На Луне не бывает сильных гроз. По слухам, ливни приходят с севера только раз в году и лениво хлещут по холодным скалам. Но в тот день, когда я стал свидетелем самой жуткой вещи, которую мне довелось видеть за свою короткую жизнь, по правилам трагического жанра тяжелые ветвистые молнии должны были рассекать пурпурное небо и подсвечивать гребни клокочущих туч. Но я не в драме, что несправедливо, ведь в этом жанре я разбирался очень хорошо в силу моей бесполезной профессии. Я в реальном мире, и я на Луне.

Я шел так торопливо по пустым коридорам вдоль панорамных окон, что со стороны, скорее всего, казалось, что я спасаюсь бегством. Почти так и было. Я не был уверен, что меня преследует кто-либо, но липкое ощущение страха заставляло спешно переставлять ноги, удаляясь все дальше с каждым шагом от грузового терминала.

Коридоры казались бесконечными. В какой-то момент я решил, что хожу кругами, и остановился. Грозное облако за окном казалось мне таким естественным – плоская черная туча, протянувшаяся между острыми пиками гор. Изредка в ее недрах просыпалось электрическое пламя и высвечивало изнутри затяжными всполохами. Казалось, что она была и будет там всегда, застрявшая над горным хребтом, подернутом сизой дымкой призрачной атмосферы. В звездном небе застыла длинная тонкая сигара дирижабля.

В толстом стекле бликовал неоновый свет – кафе, мимо которого я проходил пару часов назад! А за ним – так и есть – экран с рыжей сепией старого фильма. «Le Voyage dans la Lune».

Девушка-бариста оторвала взгляд от планшета. Мой вид ей не понравился, да и мой взгляд тоже.

— Вызовите охрану! – сказал я громче, чем рассчитывал. Мой голос глухо отразился от стеклянных стен. – Пожалуйста!

Мое имя. Это первое, что спросит офицер охраны. Я хотел его оставить там, на Земле, за черной границей пустоты, отделяющей части, по сути, одной двойной планеты. На Луне мне хотелось взять псевдоним, состоящий из одного, но яркого и емкого имени, как у кратеров, которым не требуются сложные имена. Может быть, даже выбрать тезку из того шербоного великолепия, которое открывалось на экранах челнока при посадке.

В челноках нет иллюминаторов, как я представлял себе раньше. Есть темные как ночь терминалы, встроенные в спинки кресел, и один огромный монитор наверху над рядами кресел. На нем висел ослепительный оранжево-желтый полумесяц, подернутый легкой дымкой атмосферы, почти без облаков. Приближаясь к Луне несколько часов назад, мы медленно и бесшумно падали в тень с каждым очередным витком, чтобы войти в ночь и в невесомые слои призрачной лунной атмосферы. Терминалы предупредили о возможной турбулентности и вернули умиротворяющую залитую солнцем поверхность Луны.

В салоне находились всего шестеро, включая меня, хотя челнок вполне вмещал дюжину. Мог бы и больше, но львиную его долю занимали грузовые отсеки. Разумеется, компании куда выгоднее возить дефицитный груз, которого не раздобыть на Луне, чем таких как мы — искателей приключений и тех, кто решил, что над головами, конечно, настоящий рай, не то, что

на пыльной Земле. За три дня пути я должен был выучить, наверное, имена своих случайных попутчиков и имена их оставленных на Земле питомцев в придачу, но на деле я даже не запомнил их лиц. Все это время они были неприятным дополнением к полному размышлений пути, которое делило жизнь на две части, оставляя двадцать лет там — на зелено-голубой планете, и обещая целую бесконечность на ее молчаливом спутнике.

Единственный пассажирский терминал размещался в кратере Тихо — с высоты всего лишь горстка белых огней на залитой солнцем равнине. В кольце высоких гор мог бы уместиться целый мегаполис. Но главный порт — всего лишь десяток стартовых площадок и посадочных полос, лес спутниковых и радиомачт и стройные ряды складов и ангаров. Я искал на экранах то, что рисовало мне воображение — прозрачные купола с россыпью огней под хрустальными сводами, но ничего подобного тут не было — небольшой портовый городок упрятан глубоко в недра от метеоритных дождей и вездесущей радиации. Наш шаттл заканчивал извилистый маневр, входил в редкую атмосферу и начинал торможение. Одна из свободных полос сияла зелеными огнями, готовая принять очередной рейсовый корабль. Тихо больше не походил на кратер, он казался равниной, окруженной плотной стеной высоких гор. Его белые сверкающие слоями молодых пород лучи скрылись за острым краем, их сменило сияние прожекторов.

Я ожидал, когда шасси коснутся посадочной полосы, чтобы нажать кнопку таймера и зафиксировать этот момент, который обещал стать нулевой точкой отсчета. Но, кажется, я все пропустил. Меня отвлекла возня на креслах позади — старик с сияющей искусственной белизной улыбкой пытался протиснуться между сидением и стенкой и достать затерявшийся наушник. Настойчиво запищало предупреждение о непристегнутом ремне. Я насторожено выглянул в коридор, ожидая стюарда, но он был пуст. Свет маяков скользнул с экранов на мгновение, ослепив меня, и я вдруг понял, что мы уже, постепенно тормозя, катимся по посадочной полосе. Я разочарованно отключил таймер. Шесть часов и одиннадцать минут утра по Гринвичу.

Торопливо и сумбурно, без капли уважения к самому торжественному моменту, мы покидали свои насиженные места. Я хотел обернуться, чтобы запечатлеть в памяти пустой салон челнока — маленький кусочек бывшего дома, но стюард мягко попросил освободить проход и предупредил о низкой гравитации. И то верно — о таком теперь следует помнить постоянно, пока не привыкнешь. Казалось, что две ступени вниз из холодного «рукава» в такой же холодный блок терминала — слишком мало для такой высоты, но мягкий спуск, когда будто наполненный легким воздухом зависаешь в пространстве, убедил меня в том, что я больше не на Земле. Мои попутчики разбредались по зоне регистрации, теряясь среди выходящих на службу сонных работников порта. И хорошо — совсем не хотелось знакомых лиц вокруг. Я немного подождал, пока операторы в бежевой форме займут места в кабинках и, подхватив с бетонного пола сумку, показавшуюся почти невесомой, направился к ближайшему окну.

— Добро пожаловать в международный порт Селены, господин... — девушка в больших очках-терминалах взяла мой потрепанный «пластик» и близоруко отстранила голову. Ее подстриженные в короткое каре волосы были заправлены за смешно торчащие ушки. — Ландик. — У нее был легкий, почти неузнаваемый акцент, и имя мое она произнесла с тем самым трудноуловимым изъясном, который случается в таких случаях в английской речи.

Я кивнул и поправил на плече сумку. Казалось, что она вот-вот улетит.

— Вам нужна гостевая виза?

— Нет. Я хотел бы остаться.

Девушка едва заметно улыбнулась. Может и не мне. В ее очках отражался монитор и цветное окошко чата поверх моей, заполненной еще на Земле анкеты.

— Где думаете остановиться на Селене?

Я не сразу понял вопрос и затараторил, опасаясь, что с прочерком в этой графе меня немедленно отправят обратно на Землю ближайшим рейсом.

— У дальних родственников. В Банкрофт-Архимед. Точный адрес не помню, но есть номер...

Номер ее не интересовал. Она вбила в графу две буквы — видимо код города или сокращенное название.

— Я могу добавить вас в общую базу вакансий, если вдруг потребуется работа, — она скользнула по мне любопытным взглядом, словно оценивая, потребуется ли мне работа. Моя легкая куртка поверх водолазки доверия, видимо, не внушала.

— Да, пожалуйста.

— Хорошо, — она постучала по клавишам ногтями с очень своеобразным рисунком — половина черная, половина матово-белая. — Ваша профессия?

— Поэт.

Она, видимо, подумала, что я шучу, и переспросила.

— Филолог, — уточнил я. — Немецкая литература нового времени. Изучал два года.

— Диплом есть?

— Нет.

Она привычным движением взяла болванку пластиковой карточки из стопки у монитора, ввела данные и, подавив зевок, сунула карточку в принтер. Тот нанес мою фотографию из анкеты, имя на двух языках и номер. На все не более минуты. Мой новый паспорт поблескивал дешевым гляncем и пах как сгоревшая проводка. Маленькой скрепкой, стилизованной под желтый полумесяц, к нему была приколота все-таки распечатанная гостевая виза.

— Спасибо, — растерянно сказал я.

Девушка кивнула и потонула в мониторе, улыбаясь уже без смущения. Я огляделся. Терминал опустел. Только белозубый старик все еще собирал в кучу свои разбредавшиеся чемоданы у перетянутой желтой лентой служебной двери. Над выходом горело светодиодной вязью «Добро пожаловать на Селену». Большой монитор бесшумно показывал сияющие солнцем просторы, россыпь кратеров, поднимающиеся из расщелин туманы. Сигара дирижабля над лунным краем медленно наплывала на экран.

— А куда мне теперь? — спросил я.

Девушка пожала плечами.

Ее лицо я все еще помнил, хотя именно оно должно было раствориться в тумане бессонницы и буре бессмысленных эмоций, что бушевали в моей голове. Обычный мандраж, быстро сменившийся усталостью и тревогой. Бетонный терминал и свет люминесцентных ламп слились в одно ничем не примечательное воспоминание, сквозь которое почему-то упорно проступало лицо девушки-регистратора.

— Ландик. Меня зовут Игорь Ландик, — произнес я, возвращаясь в реальность кабинета офицера охраны порта. Он казался нереальным, как отголосок сна. Особенно игральные кости в вазе. Только пар над чашкой казался привычным. Я смотрел сквозь него на стеклянную столешницу, под которой блестела всякая мишура вроде календариков с Земли и старых купюр.

— Отчество? Или второе имя?

— Нет.

Я отвернулся от окна, широкой полосой пересекавшего стену от двери до стеллажей с разноцветными папками. На столе передо мной в искусственном свете ламп поблескивала стеклянная ваза — полукруглая чаша с игральными костями, наполненная больше чем на половину. Все кости были изумрудно-зеленые, прозрачные с черными, как глаза креветок точками, я один

ярко красный. Он уставился на меня «четверкой» сквозь тонкое стекло. За вазой на матовой столешнице тихо шуршал закипающий стакан-термос.

Офицер службы безопасности в форме песочного цвета смотрел сквозь узкие очки-бритвы в экран. На его лысеющих не по возрасту висках поблескивал свет электрических ламп. Он не проявлял никакой спешки, словно дирижабль, неумолимо приближающийся к грозовой туче. Скорее всего, это должно было успокаивать – профессионализм как-никак, не в моем случае.

Кружка тихо щелкнула, и огонек погас.

— Это нужно для заполнения формы. Сейчас вы расскажете мне о том, что произошло, а затем мне придется готовить отчет для службы безопасности компании «Чаньэ», которой принадлежит терминал. Обычная рутина.

Офицер кивнул на стеклянную дверь, за которой сутились люди в форме и без таковой, занятые тысячами связанных с работой порта дел.

— Это ваш дирижабль за окном, я так понимаю.

С этим не поспоришь. Я кивнул, ощутив вдруг острую тоску по своему месту у иллюминатора, которое теперь пустовало. Там под парящей сигарой тянулись серые, залитые солнцем долины, а в низинах клубился белесый туман. Стюарт предлагал воду и горячий чай.

— Следующий дирижабль только через восемнадцать часов, — он повернул ко мне терминал и с выражением лица человека, оторванного от обеда, постучал карандашом по стеклу. — Вот тут должно быть ваше имя. Поэтому вспомните, что вы делаете на Луне и почему вдруг решили, что стали свидетелем преступления.

— Потому что я видел, как убили человека! И видел, кто это сделал.

— Вы можете описать все в деталях? Начните с того места, как вы забронировали отель, но по какой-то причине передумали и купили билет на ближайший рейс до Банкрофт-Архимед.

Я потратил немало времени, чтобы отыскать отель. Тут в порту Тихо имелось сколько угодно гостевых комнат как неприлично дорогих, так и почти бесплатных, обещающих кровать и подобие уюта на двенадцать часов только по предъявлению билета. Мне годился любой вариант, но впечатленный блеском острых скал и глубиной прозрачного серебристо-черного неба над головой внутренний голос твердил, что не для того я пересек тысячи километров вакуума, чтобы любоваться каменным мешком, покрашенным в веселенькие голубые цвета и обставленным дешевой мебелью. Отель «Альбеда» выделялся среди прочих подобных мест двумя выгодными качествами: все окна выходили наружу за пределы кольца кратера Тихо в пыльную пустыню, сверкающую под белым солнцем, и не заставляли любоваться ни на ржавые строительные фермы, ни на фальшивые ниши-окна с одинаковыми облачками, а еще он находился достаточно далеко от порта, чтобы дать спокойствие от вибраций химических ракет и галдежа неумолкаемых туристов. Впрочем, и недостатки он тоже имел. Как и все в пределах туристической зоны, он имел название, так или иначе связанное с Луной – приторная традиция, ограниченная, впрочем, вполне конечным, хоть и увесистым словарем. А еще тут было на удивление пусто.

Пустота и безлюдность – то, к чему следует сразу начать привыкать на Луне. После полужаса суеты, следующей за очередным прибытием челнока, опустошенность зависает под высокими сводами терминала. Безлюдны редкие кафе и коридоры. Даже кольцо метро и циркулирующие в нем вагоны почти пусты.

Я пролистывал в телефоне сохраненные фотографии апартаментов и бессмысленно жал на кнопку заказа и оплаты. По неведомой причине сразу после посадки начисто отвалилась сеть, а вместе с ней и любой доступ к сервисам.

— Простите, — сказал я пожилой китайской паре, шумно волоочащей чемоданы мимо меня, и показал экран телефона без признаков какой-либо связи. Те лишь натянуто улыбнулись и заспешили дальше.

— И на том спасибо.

Но это порт, а значит, какое-то подобие информационного терминала тут должно было быть. И если не сидеть на месте, меланхолично раскладывая телефон, оно, скорее всего, отыщется.

Здание порта походило на любой крупный торговый центр на Земле в утренние часы. Малолюдно, чисто и ярко. Я еще некоторое время сидел в зале ожидания, поставив сумку на колени. Смотрел на экран над головой. Кусочек новостей успел показать поля солнечных батарей, затянутые туманом озера в низинах с рекламой отеля «Цуки» — такого же безлюдного, как и порт, бегущих по темным коридорам и туннелям штурмовиков в касках и застывшие в лучах прожекторов ослепленные фигуры не выглядевших опасными людей. Экран вещал без звука, и понять смысл хаотично сменяющихся картинок оказалось тяжело. Цепочка китайских иероглифов в качестве субтитров не помогала никак.

Другой экран дрожал сепией и окунал в древний, как породы под этим зданием, мир, в котором путь к Луне был странным и пугающим. «Le Voyage dans la Lune», отреставрированный и раскрашенный в желто-зеленые цвета, завершался и начинался вновь. Суетливые фигуры махали зонтиками, украшенный заклепками снаряд снова и снова впивался в глаз лунного диска, а на лица спящих под лунным небом путешественников падал снег. Фантаσμαгория 1902 года бросала оранжевые блики на глянцевый пол.

Наконец я осознал, что выгляжу глупо и подозрительно один посреди пустого зала, и отправился в кафе, выглядывающее яркой разноцветной вывеской из-за держащей свод колонны.

Флегматичный офицер охраны оторвался от планшета на секунду, взглянув на меня, и вернулся к своим делам. Я было сжался, готовя ответ, почему так долго ошиваюсь в коридорах терминала после посадки, но оказалось, что ему нет никакого дела до этого. У информационного табло я задержался, убедился, что свободных номеров в ближайших отелях, включая тот, в который я мечтал заселиться по прибытии, нет. Зато до отправки дирижабля в Банкрофт-Архимед еще два часа. Банкрофт-Архимед — это ли не странности судьбы. Городок, всплывший в памяти, про родственников из которого я наврал девушке-регистратору, приглашал меня посетить свои тихие кривые улицы.

Не все ли равно, куда направляться, если единственная альтернатива — торчать в порту и привлекать ненужное внимание? Два часа... К счастью, тут их было где провести.

Кафе работало, но из посетителей был только я и парень в коричневой куртке. Он склонился над столиком и потихоньку сыпал цветной порошок в бокал с водой, помешивая ее длинной ложкой. В бокале то поднималась, то снова опадала пена. Парень кашлял в кулак и продолжал свое необычное занятие. Я поискал глазами официанта, но нашел только экран с меню и платежный терминал — автоматика. Заказал кофе и сел у фальшивого окна. За ним в пурпурном небе горели звезды, а солнце над ребристым горизонтом скользило лучами по холодным валунам. Я достал блокнот из сумки, пробежал глазами по рядам зачеркнутых строчек. В них просился «пурпур», должен был подчеркнуть безмолвность неба над лунной поверхностью, но он же портил ритм, гармонию стиха...

— Рифма к слову «пурпур», — офицер охраны нахмурился и оторвал меня от воспоминаний. — Нет, ничего не приходит в голову.

— Простите, я говорил вслух?

— Скорее бормотал про себя. Что произошло потом? Вы заметили что-то подозрительное в кафе?

— Ничего. Кроме пропажи телефона.

— Это обычное дело. Как минимум трое из пяти туристов не обнаруживают своих носимых устройств при себе сразу же, как только покидают порт. Планшетные компьютеры, камеры и особенно телефоны — то, что нужно крепко держать в руках. Но не думайте о нас плохо, — офицер оторвался от блокнота, в который поспешно что-то нацарапывал острым карандашом. — Погостив тут достаточно долго, вы поймете, что к чему... Итак, у вас было два часа до отправления. Вы провели их в порту?

— Нет.

— В самом деле?

— Я катался на метро.

— Вы говорите, что стали свидетелем убийства. Это так?

— Преступления. Не убийства, — вздохнул я. — У вас душно.

Офицер с любопытством осмотрел свой кабинет и пожал плечами.

— Тут нет вентиляции. Я могу открыть дверь, но будет громко.

Я отказался. Мне хотелось вернуться в зал регистрации — ворота в новый мир, знакомство с которым вышло не слишком удачным.

«Станция закрыта для посадки и высадки пассажиров», — горела надпись на трех языках над платформой, но поезд с оранжевыми окнами все же остановился и впустил меня в вагон. И понес сквозь недра стенки кратера, в которой ютился странный город. Мне с трудом верилось в то, что кольцо действительно существует. Почти двести шестьдесят семь километров никому не нужного туннеля в недрах кратера, чтобы замкнуть кольцевую линию, учитывая, что работающих станций было лишь две в южном направлении от порта и три в северном, виделись мне излишеством, хоть и монументальным. Скорее всего, большая часть кольца существовала лишь на бумаге и на карте, приклеенной над автоматическими дверями, на деле же оба направления заканчивались обратным рельсом.

Чистота и пустота вагона вызвали легкую тревожность, несмотря на отсутствие какой-либо ведомой опасности. Едва слышно гудели лампы, шуршали колеса, за окнами ныл разрываемый поездом воздух. Я огляделся. Подземки больших городов там, на Земле, кишели людьми, были пропитаны энергией бесконечного движения, опасностью и людским потом. Мумбаи, Токио, Шэньчжэнь — везде все то же: россыпь огней, огни реклам, суeta и бескомпромиссные указатели, разрезающие и направляющие людскую массу. Нью-Йорк, Лондон, Буэнос-Айрес — порхающие в потоках затхлого воздуха и шуршащие под ногами обрывки упаковки, газет и тех же цветных реклам, звуки дребезжащих шестиструнок заглянувших бродяг, кислое дыхание попрошаек... Ничего этого тут нет и вряд ли появится однажды. Как нет и вездесущих там, на Земле, камер. Вот только ощущение постороннего взгляда, воткнутого в затылок, все то же.

Часы на белой, не изуродованной маркером и клеем стене показывали начало седьмого. Ближущие экраны несинхронно мельтешили рекламой: ««Глобал Гейт инк» — шаг в мечту», «Выходные на воздушном шаре над Океаном Бурь», «Работа в теплицах, комнаты недорого»... Чуть ниже хромированной рамки кто-то все же прицепил неровный кусочек липкого пластика с подмигивающей рожицей белого зайца и криво нацарапанным номером телефона. Заяц показался мне жутковатым, и я отвернулся.

Я вышел на станции «Браге Южная», пересел на встречный поезд и поехал обратно. Беспечность, вызванная излишком времени, была виной тому, что я не вышел на своей платформе, а следующая за ней показалась мне технической станцией. В окна сочился тусклый красный свет, двери открылись, и ворвался затхлый воздух, пропитанный запахом топлива и масла. Бетонная платформа была пуста. Поезд не двигался дальше, он освещал яркими окнами туннель, низкие своды и ограждение, за которым колыхалось — я видел это отчетливо — нечто действительно огромное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.